

**ВОЕННАЯ СУДЬБА КЛИЧЕВСКОГО ГЕРОЯ –
МОЕГО ОТЦА МЕЛЬНИЧУКА ЕВГЕНИЯ ИОСИФОВИЧА¹**

В автобиографии мой отец говорит: «Отец мой родился в Польше в 1894 г., по национальности – украинец. Умер в сталинских лагерях 03.03.1942 года. Мать родилась в Минске в 1892 году. Умерла в сентябре 1969 года.

Я родился 14 января 1927 г. в деревне Старые Дороги. Отец работал лесничим, поэтому семья всё время переезжала. Самый первый город на моей памяти, куда мы переехали – Рогачёв. Позже переехали в д. Баричи. Отец устроился заместителем Барицкого лесхоза. В 1933 г. отца арестовали. У матери на руках осталось трое детей – я и две сестры – Нина и Лёля. Мне запомнилось, что в д. Баричи плавали большие белые пароходы, на самом берегу реки стояла небольшая церковь, а напротив – кирпичная школа. После ареста отца начались тяжёлые времена, и пришлось переехать в Минск к деду. В Минске мать сначала работала на почте телеграфисткой, но ее уволили, когда узнали об аресте мужа. Затем она устроилась на кирпичный завод. Но из-за клейма семьи “врага народа”, мы были вынуждены покинуть

---

¹ Автор благодарит студентку 122 группы факультета английского языка Анну Юрчук за оказанную помощь в расшифровке аудиозаписи из семейного архива.

столицу и переехали в г. п. Кличев. Там я провёл всё своё детство. Сначала жили на квартире у местного еврея. Позже купили небольшой клочок заброшенной земли, наняли рабочих, которые из бани построили дом, обзавелись коровой. Мы очень были благодарны деду за материальную помощь и поддержку, сам он был человек зажиточный, имел 2 дома и 5 сараев.

В Кличеве я пошел в школу. Мать работала почти круглосуточно, и я был предоставлен сам себе на воспитание: познавал просторы посёлка, играл с соседскими ребятами. В начале июля 1941 г. Кличевский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Я добровольно пошёл в партизаны, сражался в 277-ом партизанском полке под командованием И. З. Изоха. 11 декабря 1944 г. я был призван в ряды Красной армии. Проходил службу в городе Каунасе в составе 7-ой батареи зенитного полка. После окончания Великой Отечественной войны полк был расформирован. Я решил поступить в водолазную школу, окончил её с отличием и отправился в Днепровскую военную флотилию. После демобилизации я уехал в Минск. Здесь построил дом, женился. Работал токарем на заводе № 407 «Вычислительной техники» [1].

Из расшифрованной аудиозаписи, состоящей из нескольких рассказов, складывается следующая историческая картина важных событий, очевидцем которых и непосредственным участником на территории Кличева и его окрестностей в годы Великой Отечественной войны был мой отец.

Познание азов партизанской борьбы

С началом войны в Кличеве началась активная мобилизация, что вызвало панику у людей, они выходили из своих домов и толпились вокруг сельсовета. Внезапно на город налетел немецкий самолет, пустил пару пулеметных очередей, правда, никого не задел, но пришлось перенести все главные штабы и органы управления в лес. В течение двух следующих дней через Кличев шли длинные колонны разбитых солдат Красной армии. Голодные, уставшие, в разорванной форме, солдаты медленно волочились по пыльной дороге, скидывая здесь же котелки и рюкзаки. А еще через пару дней, вслед за советскими солдатами, в Кличев вошли немцы. Вели они себя сначала вполне мирно и дружелюбно, никого не трогали.

Партизаны заявили о себе вскоре после оккупации Кличева в июле 1941. В поселке шла непрерывная стрельба. Немцы начали вербовать местных мужчин на службу в полицаи, бургомистры, и вскоре создали большой гарнизон.

Активная партизанская борьба развернулась в марте 1942 г., партизаны появились в соседней деревне под видом местных мужиков и атаковали Кличев. Завязался жестокий бой. Большинство местных мужчин взяли винтовки и, присоединившись к партизанам, вступили в бой. Преимущество было на стороне немцев, но партизаны стали поджигать дома полицаев, началась паника, город был охвачен огнем, сильный порывистый ветер переносил угольки на крыши соседних домов. Так чуть не сгорел весь хутор.

На следующее утро Кличев был заполнен дымом спаленных домов, и все улицы усыпаны обгорелыми трупами полицаев. Под завалами и обломками люди обнаружили порванные, обгорелые мешки зерна, я сам успел насобирать целый мешок уцелевших зерен, из которых мы потом смогли печь хлеб. Трупы полицаев никто не трогал и не убирал, но к концу месяца партизаны дали команду стягивать трупы в яму.

В начале весны, когда потеплело, партизаны объявили в Кличеве советскую власть, организовали отряд самообороны из местных мужчин, который защищал поселок в случае появления немцев. А немцы нападали на Кличев постоянно, шли непрерывные бои с переменным успехом. Каждые сутки немецкий самолет сбрасывал 4 бомбы, обстреливал город и улетал. Так продолжалось примерно месяц, но вскоре была налажена связь, и на кличевский аэродром приземлился первый самолет с «большой земли». Когда он прилетел во второй раз, немцы атаковали Кличев, разгорелся жестокий бой возле д. Бацевичи и партизанам было приказано отходить в лес. Я с местными ребятами последовал за ними, но партизанский отряд, стоявший на окраине леса, нас не впустил. Нам было поручено достать продукты, главным образом картошку. Я побежал в город, и только перешел мост, как вижу – по дороге мчатся на лошадях власовцы, а за ними идут немецкие танки, за ними солдаты с автоматами, в небе появились самолеты. В городе разместился основной штаб немецкой армии, окруженный со всех сторон пушками. Один из немецких летчиков, видно, имел знакомых в этом штабе, и каждый раз, когда летел бомбить город, сначала делал почетный круг, пикируя низко-низко над штабом, где расхаживали важные начальники с маленькими собачками под мышкой. И вот однажды, во время очередного такого приветственного круга, самолет зацепился за крышу и рухнул прямо на дом, где располагалась немецкая кухня. Немцы к самолету никого не пускали, быстренько разобрали и увезли останки.

Тем временем партизаны покинули Кличев, и основные войска немцев стали уходить дальше, а в городе оставили один гарнизон. Его окружили стеной из толстых бревен, выкопали вокруг окопы, обнесли колючей проволокой и поставили дзоты. Так началась немецкая оккупация Кличева. Партизаны иногда нападали, но немцы давали жестокий отпор.

Как-то в Кличев пригнали две роты власовцев. Их поселили в поселке в соседней деревне. Власовцы совсем не считали себя предателями и презирали полицаев, которых обвиняли в измене Родине. И вот однажды ночью партизаны украли минометный расчет, а наутро атаковали Кличев. Начался страшный бой, в ходе которого половина первой роты власовцев была расстреляна, а другая половина сдалась партизанам. После боя немцы решили себя обезопасить увезли вторую роту из города. Но одного власовца они, видно, забыли. И когда бросились его искать, то нашли его в поселке, пьяного. Заметив немцев, власовец принялся их грубо ругать, обвинять в трусости, измене и даже угрожал им расстрелом. Немцы быстро схватили его под руки и куда-то увезли. После этого случая отряды власовцев в Кличев немцы больше не привозили.

Директор нашей мельницы Чернявский был по происхождению поляк, он имел большую семью, и он был очень предан немцам. Но эта преданность чуть не стоила ему жизни. Вот что произошло. Когда в городе шел активный набор добровольцев для работы в Германии, его дочь тоже решила записаться. Но эшелон с оstarбайтерами, в котором она ехала, был остановлен и освобожден на полпути польскими солдатами. И девочке ничего не оставалось, как возвращаться домой через всю Польшу. Придя домой, она рассказала страшные вещи, что в Польше немцы бьют поляков как евреев. Чернявский очень испугался этой новости, ведь он уже сдал двух своих мельников немцам за сотрудничество с партизанами. Когда в Кличев приехали гестаповцы, они проверяли списки всех, на кого писали доносы, и особенно кто писал, а потом всех арестовывали и расстреливали. И Чернявского тоже схватили, но местный комендант заступился за него и спас ему жизнь.

Как я попал в партизаны

Когда немцы стали насильственно забирать людей в Германию на работу, я со своим другом решили убежать в лес. И однажды нам подвернулся удобный случай. Напротив нашего дома немцы построили мост и к нему приставили часового. Кроме этого, они еще поставили несколько постов вокруг города. Как-то вечером к мосту пришли местные девушки, видно, на встречу с немцами, часовой пристал к одной из них, и вся эта веселая компания шумно удалилась гулять по поселку. Мы с другом увидели, что мост не охраняется, и бросились через него в лес. Я очень боялся, что на посту нас могут заметить и пустить пулеметную очередь. Но все сложилось очень удачно. Перебравшись через мост, мы направились в соседнюю деревню Дмитровка. Меня там хорошо знали, ведь я работал на мельнице круподером, и все обращались ко мне за помощью. В деревне местные парни предложили нам пойти переночевать в лес, чтобы немцы не забрали. Было нас человек десять, все с топорами за поясом, с мешком картошки (хлеба был большой дефицит), отправились мы в лес, там разожгли костер и все, расслабившись, сели играть в карты. Я заметил, что несколько парней не приметно исчезли, а потом ко мне подошел их заводила и сказал уходить отсюда. Я, ничего не понимая, последовал за ним, мы пришли на край леса, там нарубили сухих веток, разожгли костр и легли спать. Как мне рассказали утром, против меня организовали заговор. Матюшонок, кузнец, подозревал, что я приведу немцев и решил меня той ночью убить. Но некоторые парни не согласились с ним, и поэтому увели меня на край леса. Утром мы вернулись с ними обратно, и там я узнал, что рядом с нами расположен лагерь кличевцев. Я направился к ним и обнаружил там три полуголодные семьи, состоящие только из женщин и детей. Лишний рот им был не нужен, и я решил пойти в деревню и попросить хлеба. В деревне я повстречал старую бабку, она узнала, что я сам из Кличева, и поэтому дала целую буханку хлеба для меня и голодных семей. Через пару дней я решил

уйти из лагеря и пойти в партизаны. Идя по лесной дороге, я наткнулся на мужчину с винтовкой и безоружную женщину, они сначала испугались меня, но потом мы познакомились поближе, и я узнал, что мужик тот работал раньше водителем у немцев, а потом убежал из Кличева с винтовкой и прятался в лесу. И вот мы с ним вместе решили идти в партизаны. Нам сообщили, что в д. Бёрда стоит рота, туда мы и направились. По дороге в деревню нас остановили несколько подводов с партизанами, водителя забрали, так как он был с винтовкой, а я пошел дальше в деревню. На входе в д. Бёрда я увидел двух солдат с пулеметом, но они даже не обратили на меня внимания. Придя в деревню, я встретил очень много партизан, большинство из которых мои знакомые, и сразу направился к начальству. Командир роты хорошо знал мою мать, он сказал, что мне еще рано идти в партизаны, хотя мне шел 18 год. В тот вечер разведка сообщила, что немцы оставили Кличев и рота из д. Бёрда направилась в Кличев. Там меня зачислили в 3 взвод, 3 отделение 277-го партизанского полка под руководством командира И. З. Изоха. Когда отряд пришел в Кличев, я был вынужден показывать партизанам дома полицаев, но все дома были пустые, ведь полицаи и их семьи ушли вместе с немцами. Мы сделали привал на окраине Кличева. А наутро мы отправились на заставу в поселок. Так прошел целый месяц, и у меня даже не было времени зайти домой, хоть мать и знала, что я уже в Кличеве.

Первый бой

Первый бой был в д. Любоничи. Перед боем командир сообщил, что патронов очень мало и их надо экономить, и когда наступаете – погромче кричите и поджигайте все подряд. Мне было поручено нести носилки и уносить раненых с поля боя. С наступлением ночи мы стали продвигаться в сторону деревни. Мы шли полумесяцем, наступало две роты, а третью оставили в засаде. Атаковали мы три немецких взвода. Сначала двигались тихонько, перебежками, а потом рванули в открытую. Ночь была ясная все поле залито лунным светом, а немцы нас не видели. И не добегая сто метров до первых домов, мы открыли огонь. Немцы сразу спохватились, пустили пулеметную очередь, очень упорно и рьяно отбивались. А нам уже стрелять было нечем, патронов оставалось мало, и мы вынуждены были отходить в лес. После боя мне была объявлена благодарность лично от лица командира, ведь меня оставили в лагере, но я все равно ринулся в бой. Так прошло мое посвящение в партизаны.

Повседневность партизанской жизни

Когда мы вернулись в лагерь, я узнал, что из города пришли двое мужчин, это были Чернявский и механик. Чернявский не уехал вместе с немцами, а решил остаться и сейчас хотел перейти к партизанам. Их обоих привели к командиру, и он устроил им подробный допрос: кто такие, откуда, с какой целью. Чернявский сразу растерялся, раскашлялся от волнения, и командир заподозрил его в измене. Приговор был недолгим – расстрелять.

Когда я шел мимо молодняка, то обнаружил человека с выколотыми глазами, распоротым животом и в нательном белье – это был Чернявский. Я так и не смог признаться его сыну, когда тот спрашивал у меня о своем отце.

Однажды нас поставили на перекрестке в засаду. В тот день было сбито сразу два немецких самолета. Один сбил наш отряд, а второй – соседний отряд. После этого случая самолеты стали летать очень высоко, вне зоны доступа наших орудий. Вскоре нам пришлось уехать из города: была нехватка патронов, сена для лошадей, картофеля, соли. Бывало, дадут перед боем только по обойме патронов и все – делай, что хочешь. Пулеметчикам заряжали два диска. В бою перевес был на минут десять на нашей стороне, а потом, за неимением патронов, приходилось отступать.

Оставалось несколько дней до отхода из лагеря, шла блокада Кличева, над лесом непрерывно летали немецкие самолеты, свистели пули над головой. Я со своим товарищем Олешниковым стояли на посту. И тут к нам подъехали разведчики и сообщили, что скоро начнется бой. Рядом засел Рогачевский отряд, а по дороге уже шли немецкие колонны. Несколько минут спустя раздалась пулеметная очередь – и начался бой. Весь лес был заполнен криками, выстрелами, едким дымом, свистом пуль. Бой длился минут 15. А потом – мертвая тишина. Мы залегли в лесу и не знали, что делать дальше. Но вскоре к нам прибежал разведчик и передал приказ покинуть пост и идти в лагерь. Но в лагере мало что уцелело. Окон и дверей не было, землянки пустовали. Появился комотряда и приказал отходить из лагеря. Мы шли целиной по лесу, там как раз была вырубка. Не успели мы перейти во второй лес, как появились немцы. Нашему отряду дали команду прикрыть отход. А я остался смотреть за лошадьми. Три бригады сбились в одну кучу. Завязался бой, но немцы дальше не пошли, а остановились на краю леса. И когда партизаны вышли на открытую поляну, их атаковал резко пикирующий самолет и стал обстреливать отряд. Партизаны быстро среагировали и открыли ответный огонь, самолет быстро поднялся вверх и улетел. К вечеру мы начали движение. Рогачевская и Перовская бригады стали расходиться. К утру мы обнаружили, что хоть двигались всю ночь кругами, проходили мимо нашего лагеря. Наконец, мы пришли в д. Усакино, там стояли несколько дней. Но вскоре к деревне подошли немцы так близко, что отряд вынужден был уйти в лес. Меня назначили при отряде ездовым. Разведка сообщила, что в Бёрдах идет бой, и поэтому наш отряд стал в засаду в лесу. Меня и еще одного партизана отправили в разведку проверить д. Уболотье и Ижер. В Уболотье немцев не было, и нам даже удалось быстро и вкусно перекусить. В Ижере ситуация была хуже – деревня была спалена, осталось только два домика, с которых шел дым. Мы подождали немного – тихо, и решили отправиться к домикам. Как только выехали на дорогу, видим – нам навстречу мчится галопом подвода из троих партизан. Мы приостановились, и тут на нас обрушился шквальный огонь немецких орудий. Я сильно дернул вожжи, и быстро поскакал обратно в лес. Приехали в отряд

целыми, но лошади пострадали – у одной была прострелена грива, у другой бедро. Мы только сообщили командиру ситуацию, как немцы начали наступление. Наш отряд бросился в бой. А мне командир приказал доставить сани, куда бросили пулемет и ПТР, в полковой обоз. А где он находится, я не имел ни малейшего понятия. Когда я выехал из леса, то отряд уже ушел далеко. Тогда я просто поехал прямо и выехал на поляну. Вижу – хуторок, а на нем стоит человек восемь, и пристально разглядывают меня через бинокль. Я притормозил, но продолжал ехать тихонечко-тихонечко, думал, что это немцы. Но подъехав немного ближе, увидел, что они все в черном, а немцы в черном не ходят. Это оказался подпольный могилёвский обком партии. Они подсказали, где найти полковой обоз. Проехав еще два километра, я увидел партизан, набирающих сено, они сказали, что я его уже проехал мимо, ведь обоз был хорошо замаскирован. Полковой обоз я все-таки нашел, и доставил туда лошадей и сани. Вечером обоз снялся с места и направился в д. Бёрда. Надо было прорываться через блокаду, поэтому мы решили ехать дальше, подъехали к р. Ольсе, моста не было, и мы переходили реку по льду. А лошадь моя была не подкована, поэтому, как только она ступила на лед, то сразу провалилась копытом и застряла. Спасали ее целым отрядом. Остановились мы в какой-то деревне. Там узнали, что наши взяли Рогачёв, потому немцы и перестали нас преследовать. Лагерь наш был сожжен, идти было некуда, поэтому мы решили сесть в засаду на дороге Бобруйск – Могилёв. Внезапно послышался выстрел, другой – один из партизан упал. Это был Остошёнок, учитель. Ему прострелили ногу, и комотряда послал меня за носилками. Мы притащили Осташёнка в отряд, санитары разрезали ногу, а пуля прошла между двумя костями навывлет. Чтобы он не отморозил ногу, я снял свою телогрейку и накрыл его, а сам остался в легкой куртке, и поэтому очень сильно простыл. Спасли меня местные женщины, напоив кипятком с малиной и накормив сухарями.

Пришла весна, стал таять снег. И в это время мы получили важное задание – взорвать железнодорожный мост. Мы целой бригадой отправились к р. Березина. Но немцев, видно, предупредили, так как они уже ждали у реки, и когда мы подошли поближе, завязался бой. Длился он почти двенадцать часов. Мы вышли в лес, и тут к нам подъехал командир роты с приказом выбить немца с района мостика. Но где этот мостик находится, мы даже и не знали. Вышли на дорогу, идем прямо, и тут немец как откроет по нам шквальный огонь, и мы назад, так рота за ротой и отступали в лес. Потеряли одного человека, а одного ранили. Только встанем, как немец опять открывает огонь. Но подбегает комроты и кричит нам: «Вперед, ребятки, вперед!». Я и Петька из моего отряда дружно поднялись и рванули в атаку, видим мостик впереди, а вокруг него немцы целой пеленой лежат, немного ближе к нам яма глиняная, вот мы с Петькой вместе по команде и бросились в эту яму. А оттуда уже подняться не можем, пули над головой свистят. Из леса слышались отважные крики: «Ура!» и партизаны побежали в открытую на немцев. Мы тоже поднялись, и видим – немцы убегают

в сторону деревни. Погнались за ними, выбили из деревни. А в деревне уже напились и наелись вдоволь, ведь жажда и голод – постоянные спутники партизана. На обратном пути взорвали мост и направились в наш спаленный лагерь. Построили новый лагерь в течение одного дня за два километра от старого. Не успели мы его построить, как в тот же день налетели немецкие самолеты. Соседний Рогачевский лагерь бомбили шесть самолетов, и они потеряли двадцать пять человек. Расположение нашего нового лагеря немцы не знали, и три немецких аса бомбили старый разрушенный лагерь, поэтому у нас никто не пострадал и лагерь остался целым.

К первому мая уже весь Кличев был занят партизанами. И когда появились немцы, на их пути первым стоял наш батальон. В это время я отпросился домой посадить ячмень и картошку, а когда приехал в лагерь, то застал там всего несколько человек и командира. Он поставил меня на пост. Через некоторое время к нам приехал связной, и сообщил, что немцы спалили Кличев и перебили всех людей, а у меня дома оставались две сестры и мать. Я сразу же бросился домой. Мать и сестры спрятались в заброшенном сарае, поэтому остались живы. Весь Кличев был в огне, власовцы и немцы застрелили около ста пяти человек, стреляли всех, кого видели. Мать с сестрами отправились в соседнюю д. Вишнёвка, где поселились у бывшего партизана. Он был известен тем, что сам вытащил с поля боя двадцать пять мертвых человек.

Немецкие танки стали наступать на первый батальон и выгнали партизан на чистое поле, батальон спасло только то, что была весна, и поле все было залито водой, поэтому немецкие танки не смогли пройти, и батальону удалось успешно уйти. После этого наступления командир нашей бригады сказал, что мы должны отомстить немцам, и поэтому мы постоянно ходили в засаду. И однажды разбили группу мадьяр, и даже взяли пленного. Но он так плохо говорил и на русском, и на немецком, что толку с него не было, и мы решили оставить его в лагере пасти стадо коров.

Как-то стояли мы с другом в засаде. Последний снег уже сходил с полей и лошин. В лесу все пробуждалось от зимней спячки, и где-нигде даже бегали лисицы. Эти хитрые плутовки уже начали свою охоту на мышей и делали это так искусно – подпрыгивали в воздухе, взмахивая широким пушистым хвостом, и ловко хватали свою жертву острыми когтями. И мы решили с парнем, который стоял со мной вместе на посту, одну лисичку подстрелить. Он открыл две пулеметные очереди по пробегающей мимо лисе, да и я еще раз выстрелил, со злости, ведь эта рыжая так ловко увернулась и скрылась в зарослях леса. Пришло время пересменки, смотрим – никто не идет, подождали еще немного, и я решил пойти на разведку. Пришел в деревню, а там – ворота нараспашку, коней нет, партизаны убежали. Мы с другом подумала, что на деревню напали немцы, и бросились в лес. Там уже нашли наших, и оказалось, что они приняли наши выстрелы в лесу за атаку немцев и думали, что нас положили. Поэтому заняли боевые позиции и приготовились к бою. В итоге мы получили только серьезный нагоняй от командира за наши невинные шуточки, этим все и обошлось.

В июне командир построил наш отряд и приказал взять продуктов на две недели, так как мы идем в поход. Понятно, что на две недели продуктов не унесешь, поэтому нам дали только мешочек сухарей и по кусочку колбасы. Женщинам и раненым он приказал выйти из строя и отправил их в лагерь. С нами отправилась только одна повозка для раненых и медсестра. Шли мы целый день, остановились перед д. Бельничичи, пробыли там двое суток и ночью отправились в деревню, перешли большую дорогу, и возле р. Друдь меня поставили на пост. Вскоре ко мне подошел старик и сказал, что у Бельничичей пушки немецкие стоят, они коров деревенских угоняют. Но у меня был приказ только наблюдать за Бельничичами и если что замечу – сообщить. Следующей ночью (мы стали двигаться только ночами) мы отправились дальше, нам привезли тол, и приказали взорвать железную дорогу. Мы шли под Шклов. Мы проходили мимо немецких гарнизонов, и по нам однажды даже окрыли огонь, впустую, конечно, потому что мы шли за холмом, но рядом. Подошли мы к железной дороге, что находилась за пятнадцать километров от Шклова, и ночью, в двенадцать часов, стали рвать железную дорогу. Мы прибыли сюда первые, вскоре подтянулись другие отряды. К этой железной дороге шли партизаны со всей Беларуси. Когда мы подошли ближе, проводники сказали, что слева и справа от дороги дзот, повален лес и болото. Мы подошли к рельсам, и слышим – едет поезд, медленно, тихонько, ни одного огонька на нем. Двое часовых сразу нас заметили, пустили сигнальную ракету, но партизаны быстро среагировали, открыли огонь и положили обоих. Потом мы двинулись подкладывать тол, двести грамм под каждую рельсу. Внезапно немцы открыли огонь из левого дзота, но партизаны дали по нему очередь трассирующими пулями. Он продолжал изредка стрелять, но трасса шла вверх, и пули нас не доставали. Взорвали мы железную дорогу и отправились быстро назад в лагерь, а сзади дорога все гремела, ведь подходили другие отряды партизан и взрывали свои участки. Пришли мы опять в Бельничичи, переночевали, а наутро отправились в дорогу. Теперь мы шли через другой район, под Могилёвом, сделали круг. Подойдя к Кличеву, я убежал в самоволку домой, мы жили тогда в Дмитровке, и там узнал от разведчиков, что немцы прорвали линию фронта. Переночевав дома, наутро я прибежал в лагерь, и меня сразу как дезертира поставили на пост. В это время шли бои за Бобруйск, было даже видно, как в небе загорелся и упал немецкий самолет. На следующий день немцы стали отступать. В лагерь приехала машина с белым флагом – это сдавались власовцы. И нам приказали выходить на дорогу и бить немцев. Мы прошли мимо станции Несята, и слышим, что по дороге несутся на конях немцы, слышна русская и немецкая ругань (у немцев было много власовцев). Это шел немецкий артиллерийский полк, лошади все красивые, здоровые, с подстриженными хвостами. Мы подошли почти вплотную и стали ждать команду атаковать. Послышался первый выстрел, и мы бросились в атаку. Били минут пять, а я стоял при миномете, и мне минометчик Коровайников

дал знак бросать мины. Я бросил сем мин, освободил ящик, и командир крикнул чего-нибудь ухватить в немецком обозе. Я прыгнул в лафет, а наши прекратили огонь, стали отступать. Немцы сразу опомнились, открыли огонь, шли по полю мимо меня. А я как прыгнул – коробку потерял, и высунуться из лафета не могу, чтобы поискать ее, вверху шквальный огонь. Наконец заметил коробку, схватил ее и бросился в лес зигзагами. Немцы так шумели, что даже меня и не заметили. А я настолько быстро бежал, что в лесу рухнул без сил и не мог дальше идти. Но к счастью, мимо проходили два парня, они потеряли диск от пулемета, искали его по лесу, и наткнулись на меня. Подхватили за руки и потащили на сборный пункт. Там я уже нашел своих и рассказал, что произошло.

Однажды на мельнице, где я работал кочегаром, произошел такой случай. К концу рабочего дня, когда все рабочие собиралась идти домой, в городе начался страшный бой. Партизаны атаковали немцев со всех сторон. Город был заполнен дикими криками, стрельбой, едким запахом дыма и гулом разрывающихся снарядов. Ночью немцы вызвали на помощь авиацию, но самолеты прилетели только утром, и стали беспорядочно бомбить Кличев, особенно ул. Набережную, где жили только полицаи со своими семьями. Уже после бомбардировки немцы забрали оставшихся в живых полицаев и отправили в Бобруйск.

К утру стали уже летать низко наши самолеты, и интересно, что совсем не такие, как в начале войны, а совсем другие. К нашему отряду прибилося очень много партизан, которые были разведчиками, и наши отряды соединились в одну бригаду. Все вместе двинулись в путь, перейдя р. Ольса, вышли к д. Суша, наш отряд отправили вперед на заставу. И когда вернулись разведчики, то радостно сообщили, что впереди идут наши. Пройдя сожженную д. Суша, мы остановились, вскоре слышим крики, что немцы идут в д. Суша. Послали туда наш отряд, но когда мы пришли, то немцев уже не было. Наш командир решил дать салют в честь соединения отрядов. Пришли назад в деревню, а нас опять посылают в тот район, снова немцы едут. Пришли мы туда, и видим, что идет целая колонна немцев, техники, пленных ведут, скот. Командира отряда не было, и мы самостоятельно приняли решение – ударить по немцам, когда сравняемся с колонной пленных, начнем стрелять, чтобы люди разбежались. Все это время над колонной кружили наши самолеты. Мы приготовились, уже колонна подошла близко, но прискакал адъютант командира отряда и приказал не трогать немца, немедленно отходить. А немцы шли по дороге, где их недавно построенный мост был спален. Мы все спорили: будем стрелять, чтобы люди разбежались или нет. В это время подошло девять илов, они развернулись и стали бомбить немцев. В воздухе их сопровождали четыре стрелка.

Мы покинули поле боя и направились в лагерь. Назавтра наш отряд построили, меня отправили домой, так как мой год еще не был призван, а остальные партизаны пошли дальше с частями Красной армии.

P.S.: Отца не стало 19 августа 2002 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный архив Л. Е. Хмельницкой. – Аудиозапись рассказа Мельничука Евгения Иосифовича.